

DOI: 10.55105/2500-2872-2024-1-126-135

Историческая память в префектуре Окинава: региональная специфика

В.В. Нелидов

Аннотация. Префектура Окинава занимает особое место среди регионов Японии. До конца XIX в. на ее территории располагалось отдельное королевство Рюкю, находившееся в зависимости от и испытывавшее влияние со стороны как Японии, так и Китая. В 1879 г. оно было включено в состав Японской империи и долгое время находилось на положении де-факто колонии. В 1945 г. остров Окинава стал ареной ожесточенных сухопутных боев, унесших жизни почти 200 000 человек. В статье рассматриваются наиболее распространенный нарратив относительно истории префектуры и в особенности трагедии Второй мировой войны. Показывается, что в довоенный период статус окинавцев в Японской империи был неоднозначным. С одной стороны, с точки зрения японских властей и японского общества в целом они были отделены от жителей основной части страны, что закреплялось и экономической отсталостью региона, и тем, что с административно-политической точки зрения его статус не соответствовал положению других префектур еще на протяжении нескольких десятилетий после аннексии. С другой стороны, показывается, что и другим народом, однозначно отличающимся от жителей основной части страны, окинавцы считались далеко не всегда, подчас воспринимаясь как отдельная «ветвь» собственно японцев. В этом смысле их положение радикально отличалось от статуса жителей Тайваня и Кореи. Такой неоднозначный статус окинавцев в общественном дискурсе Японии до 1945 г. предопределил и то, как уже в послевоенный период ими воспринимается опыт Второй мировой войны. Мемориалы и иные коммеморативные объекты продвигают нарратив, согласно которому окинавцы были только и исключительно жертвами войны, причем в некоторых случаях едва ли не главными виновниками их страданий были японские военные, а не американцы или абстрактные «бедствия войны» в целом. Этот нарратив продолжает определять идентичность окинавцев и по сей день, влияя на их отношение к центральным властям, японо-американскому военно-политическому союзу и проблеме американских военных баз на Окинаве.

Ключевые слова: Окинава, историческая память, виктимность, мемориалы, внутренняя политика, исторические обиды.

Автор: *Нелидов Владимир Владимирович*, кандидат исторических наук, доцент кафедры востоковедения, МГИМО МИД России (адрес: 119454, Москва, проспект Вернадского, д. 76); старший научный сотрудник Центра японских исследований, Институт востоковедения РАН (107031, Москва, ул. Рождественка, д. 12). ORCID: 0000-0003-0173-0438; E-mail: vladimir.nelidov@gmail.com

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Нелидов В.В. Историческая память в префектуре Окинава: региональная специфика // Японские исследования. 2024. № 1. С. 126–135. DOI: 10.55105/2500-2872-2024-1-126-135

Благодарности. Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 23-18-00109 «Нарративы “исторических обид” в официальном дискурсе и государственной политике стран Северо-Восточной Азии».

Historical memory in Okinawa Prefecture: Regional specifics

V.V. Nelidov

Abstract. Okinawa Prefecture takes a special place among Japan's regions. Until the 19th century, its territory was occupied by the Kingdom of Ryukyu, which was dependent on and influenced by both Japan and China. In 1879, it was incorporated into the Japanese Empire and for a long time was a de-facto colony. In 1945, the island of Okinawa became the arena of fierce ground fighting, which claimed the lives of almost 200,000 people. The article studies the most widespread narrative about the history of the prefecture and, particularly, the tragedy of World War II. It shows that, in the pre-war period, the status of Okinawans in the Japanese Empire was ambiguous. On the one hand, from the point of view of Japanese authorities and Japanese society as a whole, they were separate from the residents of the rest of the country, which was solidified both by the economic backwardness of the region and the fact that, in terms of the administrative and political system, its status was different from that of other prefectures even several decades after the annexation. On the other hand, it is shown that Okinawans were not necessarily considered a separate people and were often perceived as a "branch" of the Japanese. In this sense, their status was radically different from that of the people of Taiwan and Korea. Such an ambiguous status of Okinawans in the public discourse of Japan before 1945 influenced the way in which, in the post-war period, they were perceiving the experience of World War II. Memorials and other commemorative objects promote the narrative according to which Okinawans were only and exclusively victims of the war, with key culprits of their suffering often being not even Americans or the abstract "calamity of war," but rather the Japanese military. This narrative continues to define the identity of Okinawans to this day, influencing their attitude to central authorities, the Japan-U.S. military-political alliance, and the problem of U.S. bases in Okinawa.

Keywords: Okinawa, historical memory, victimhood, memorials, domestic politics, historical grievances.

Author: *Nelidov Vladimir V.*, PhD (History), Associate Professor, Department of Asian and African Studies, MGIMO University (address: 76, Vernadskogo Av., Moscow, 119454, Russian Federation); Senior Research Fellow, Center for Japanese Studies, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (address: 12, Rozhdestvenka Str., Moscow, 107031, Russian Federation). ORCID: 0000-0003-0173-0438; E-mail: vladimir.nelidov@gmail.com

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

For citation: Nelidov, V.V. (2024). Istoricheskaya pamyat' v prefektуре Okinawa: regional'naya spetsifika [Historical memory in Okinawa Prefecture: Regional specifics]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2024, 1, 126–135. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2024-1-126-135

Acknowledgments: The research was assisted by the Russian Science Foundation grant № 23-18-00109 «Narratives of "historical grievances" in the official discourse and state policy of the countries of Northeast Asia».

Введение

Префектура Окинава является регионом с особой идентичностью в рамках Японии. Причинами этого являются и тот факт, что вплоть до периода Мэйдзи нынешняя префектура Окинава была отдельным государством (королевство Рюкю), и культурно-лингвистические особенности, и то, что во время Второй мировой войны Окинава была единственным регионом японской метрополии, где шли сухопутные бои, и пребывание Окинавы под административным управлением США в 1945–1972 гг.

Все эти факты в значительной мере влияют на нарратив памяти о Второй мировой войне, выраженный, помимо прочего, в монументах, музеях и иных коммеморативных объектах. Для Японии в целом характерен «комплекс виктимности» [Стрельцов 2022, с. 34], согласно которому японцы как народ не несут никакой коллективной ответственности за Вторую мировую войну, так как были только жертвами войны, причем сама война подчас представляется как абстрактное «бедствие», возникшее едва ли не само по себе. Подобная точка зрения весьма удобна с психологической и политической точки зрения, так как позволяет снять ответственность и с японского руководства, в частности, с императора, и с Соединенных Штатов, целенаправленно уничтожавших гражданское население во время ковровых бомбардировок японских городов и путем применения ядерного оружия против городов Хиросима и Нагасаки.

Господствующий среди окинавцев¹ на этот счет нарратив отчасти похож на таковой в остальной Японии, однако в его содержании есть важные отличия. В частности, этот нарратив еще в большей степени, чем это наблюдается в Японии в целом, подчеркивает статус жителей префектуры (например, самого острова Окинава) как жертвы, причем виновником перенесенных ими страданий представляются в том числе и японские войска. Данная статья ставит целью раскрыть исторические предпосылки, специфику и содержание этой исторической памяти, которая, наряду с наследием американского владычества и нынешними проблемами, обусловленными присутствием американских войск², оказывается причиной пацифистских и подчас антиамериканских взглядов многих жителей острова и представляющих их региональных политиков.

Исторический контекст отношений Рюкю/Окинавы и Японии

С XV по конец XIX в. остров Окинава и большая часть более мелких островов, ныне относящихся к префектуре Окинава, входили в состав небольшого королевства Рюкю. Рюкю платило дань как Китаю, так и (с начала XVII в.) японскому княжеству Сацума, и в целом испытывало сильное влияние обоих своих сильных соседей, Японии и Китая, пытаясь балансировать между ними. Вскоре после Реставрации Мэйдзи, в 1871 г., новое японское правительство открыло представительство Министерства иностранных дел на Рюкю, а в следующем, 1872 г., объявило, что Рюкю отныне является княжеством (*хан*), при том, что в остальной Японии княжества к тому моменту уже были упразднены и заменены префектурами. С 1874 г. Рюкю переходит под контроль Министерства внутренних дел, а в 1879 г. бывшее королевство становится префектурой Окинава [Siddle 1998, p. 120].

Положение Окинавы внутри Японской империи до 1945 г. было специфичным, и широко распространены оценки этого положения как статуса «внутренней колонии». В самом деле, для этого есть веские основания. Так, первоначально японские власти допускали сохранение местных институтов и обычаев (период, который известен в историографии как «*кю:кан онздон*», дословно – «сохранение старых обычаев»³), и лишь после 1895 г., когда победа в войне с цинским Китаем позволила японскому правительству больше не опасаться того, что Китай сможет воспользоваться сепаратистскими настроениями в бывшем королевстве Рюкю, был взят курс на активную культурную и языковую ассимиляцию. В конце XIX – начале XX в. основная часть местных чиновников и полицейских были выходцами из японской «метрополии» (часто

¹ До 1945 г. доля переселенцев из других регионов Японии составляла не более считанных процентов населения префектуры Окинава. В связи с этим далее под «окинавцами» понимаются коренные жители этой территории и те современные жители префектуры, которые ассоциируют себя с ее коренными жителями.

² Более подробно см.: [Баженова, Горячева 2023], [Стрельцов 2017].

³ Более подробно об этом периоде см., в частности, [Nishizatō 1979].

использовался термин *найти*, дословно – «внутренние регионы»⁴), главным образом префектур Нагасаки и Кагосима, причем наследие эпохи зависимости от княжества Сацума наглядно проявлялось в том, что практически все сотрудники полиции на Окинаве были выходцами из префектуры Кагосима, образованной на месте Сацума.

В сфере экономики ведущие позиции также были монополизированы торговцами из других регионов, главным образом Кагосима и Осака. Хозяйственная структура по сути была колониальной – в 1912 г. 40% производства приходилось на выращивание и обработку сахарного тростника. Это не только вело к сокращению посевов риса и потому сделало и так бедную префектуру зависимой от импорта продовольствия, но и стало причиной еще большего ухудшения экономического положения Окинавы, когда после Первой мировой войны цены на сахар упали, а основным центром производства сахара в Японии стал Тайвань. Законодательство, действовавшее в «найти», было полностью введено в префектуре Окинава лишь 1897 г., и только в 1898 г. окинавцы стали подлежать призыву в вооруженные силы. С 1912 г. представители от префектуры стали направляться представители в парламент [Siddle 1998, p. 121–122] (хотя и в этом случае избирательное право не было распространено на жителей островов Миякодзима и Яэяма, которые считались недостаточно «цивилизованными» для этого), а окончательно административная интеграция префектуры в состав Японии завершилась только к 1919 г.. Статус префектуры как неразвитого региона усугубляло и то, что, не обладая значительными природными ресурсами и будучи относительно небольшой по площади, особенно если сравнивать ее с другими территориями, присоединенными к Японии в период Мэйдзи – Хоккайдо, Тайванем и Кореей – она не могла привлечь значительное количество переселенцев из других регионов страны, а для чиновников Окинава считалась чем-то вроде места ссылки [Meyer 2020, p. 3–5].

Тем не менее, картина, согласно которой японская «метрополия» установила колониальное владычество над окинавцами как отдельным народом, хотя и является весьма популярной среди местных активистов и интеллектуалов уже послевоенного периода, выступающих за развитие и поддержание местной идентичности, отражает лишь часть истины. Существуют аргументы как в пользу того взгляда, что до 1945 г. окинавцы воспринимались японцами как отдельный народ и отдельная «раса», так и в пользу точки зрения, что особый статус префектуры в глазах японского государства того времени был связан скорее с ее экономической неразвитостью, а сами окинавцы воспринимались как японцы.

Примечательно, что особенно в первые десятилетия после присоединения бывшего королевства Рюкю к Японской империи официальный Токио считал главной угрозой не этнический сепаратизм – такой серьезной опасности не было, учитывая небольшие размер и численность населения префектуры, – сколько прокитайские настроения среди местных элит, смотревших на мир через призму конфуцианских и синоцентричных взглядов. С точки зрения «старой» рюкюсской аристократии, естественным положением для бывшего королевства было бы оставаться вассалом Китая. И эта же прокитайская направленность раннего рюкюсского «национализма» (в данном случае этот термин нельзя использовать иначе, как в кавычках) лишала его какой бы то ни было возможности поддержки со стороны простых рюкюсцев, не относящихся к образованным элитам. Примером этой ситуации могут послужить слова японского педагога Нитта Ёситака, который в своей работе 1894 г. с «говорящим» названием «Окинава – это Окинава, а не Рюкю» (*“Окинава ва Окинава нари Рю:кю: ни арадзу”*) подчеркивает, что отсутствие китайских имен и общее невежество окинавских крестьян позволяет им быть частью «чистой и невинной японской расы» (*Нихон дзинсю*), в отличие

⁴ С точки зрения терминологии, употреблявшейся японскими властями, термин «найти» включал в себя и префектуру Окинава, в то время как к «гайти» относились, в частности, Тайвань и Корея. Тем не менее, далее для удобства под этим термином будут пониматься территории, входившие в состав Японии до 1868 г., чтобы отличать их от бывшего королевства Рюкю.

от ориентированных на Китай рюкюских элит, которым следует «совершенствовать свой японский дух»⁵. И даже тот факт, что в качестве названия для новой префектуры было выбрано именно японское по происхождению слово «Окинава», по названию крупнейшего острова (на местном диалекте остров называется «Утина:»), имело своей целью отгородиться от старого названия «Рюкю», происходящего от китайского «Люцю», когда-то дарованного вассальному королевству китайским императором [Meuer 2020, p. 5].

Фактически же основное большинство жителей префектуры стремились стать «обычными» японцами. Выступавшие за поддержание местной идентичности интеллектуалы, наиболее значимой фигурой среди которых был «отец окинавских исследований» Иха Фую: (1876–1947), подчеркивали, что окинавцы являются не столько отдельным этносом, сколько «ветвью» японского народа, и с их точки зрения развитие местной культуры должно идти бок о бок с модернизацией и интеграцией в японскую нацию в целом. Общественный дискурс на этот счет был непоследовательным: с одной стороны, в школьных учебниках окинавцы иногда описывались как «аборигены», такие же, как айны. С другой стороны, пресса и литература чаще представляли их не как представителей другого, более отсталого народа, а как провинциалов, которые не готовы к жизни в большом городе. И многие представители образованной части окинавского общества призывали своих соотечественников как можно скорее избавиться от этой отсталости – так, например, широко известна фраза О:та Тё:фу (1865–1938), редактора местной газеты, который заявил, что окинавцы должны научиться даже чихать так, как японцы. С этой точки зрения статус окинавцев принципиально отличался от статуса корейцев, айнов острова Хоккайдо или жителей Тайваня, которые заведомо не воспринимались как часть «народа Ямато» [Siddle 1998, p. 125, 128] и для которых ассимиляция означала бы полный отказ от собственной культуры и идентичности.

Память о Второй мировой войне в префектуре Окинава

Окинава была единственным достаточно крупным регионом японской метрополии, где во время Второй мировой шли сухопутные бои. В результате битвы за Окинаву⁶, продолжавшейся с апреля по июнь 1945 г., общие потери японской стороны убитыми составили около 190 000 человек, из них 94 000 – мирные жители, что на тот момент составляло около четверти населения острова, в то время как американские войска потеряли убитыми 12 520 человек⁷.

Нарратив, согласно которому жители Окинавы оказались жертвами не только абстрактных «бедствий войны» или американских войск, но и – едва ли не в большей степени – пренебрежения и жестокости со стороны японских сил, во многом воспроизводится в литературе, массовой культуре, образовании, а также монументах, музеях и иных исторических объектах в самой префектуре Окинава.

В господствующем в послевоенный период дискурсе о трагедии Второй мировой войны для жителей префектуры Окинава можно условно выделить два значимых элемента. Первый из них заключается в том, что жертвы, которые они понесли по вине японских войск, были вызваны прежде всего тем, что, с точки зрения японской военщины и вообще «метрополии» окинавцы не были японцами в полной мере, и потому их жизни были «расходным материалом»,

⁵ Цит. по: [Siddle 1998, p. 124].

⁶ Несколько мелких островов, относящихся к префектуре Окинава, американские войска смогли захватить без серьезного сопротивления, поэтому в контексте «битвы за Окинаву» под этим названием будет пониматься прежде всего сам остров, а не префектура, в которую он входил.

⁷ Окинавакэн ни окэру сэнсэй но дзё:кё: [Урон от войны в префектуре Окинава]. Сайт министерства внутренних дел и коммуникаций Японии. https://www.soumu.go.jp/main_sosiki/daijinkanbou/sensai/situation/state/okinawa_04.html (дата обращения: 10.01.2024).

нужным, чтобы максимально задержать американские войска. В качестве аргументов в пользу этой точки зрения часто приводится, к примеру, тот факт, что во время боевых действий окинавцев, говоривших на местном диалекте, японские войска расстреливали как шпионов. Большая часть жертв среди местного населения была результатом огня американских войск, не особенно считавшихся с «сопутствующими потерями», – того, что осталось в памяти выживших как «стальная буря». Но едва ли не больший акцент в массовой культуре, литературе и мемориалах (к примеру, в экспозициях Окинавского префектурального музея и Окинавского префектурального мемориального музея мира, о котором более подробно будет сказано ниже) делается на то, что японские военные побуждали, а часто и заставляли мирных жителей кончать жизнь самоубийством, чтобы не попасть в руки американских войск, при этом сами подчас не следуя их примеру.

Сами по себе факты массовых самоубийств, как и того, что японские войска, основная часть которых состояла из выходцев из других регионов, нередко относились к местному населению Окинавы как к жителям оккупированных территорий (например, известно, что на острове Миякодзима местным жителям было приказано кланяться каждому японскому солдату [Siddle 1998, p. 131]), не подвергаются сомнению. Однако, как справедливо отмечает британский исследователь Ричард Сиддл, остается открытым вопрос о том, насколько такая жестокость к мирным жителям была результатом восприятия японскими войсками окинавцев как «не-японцев» и не стали бы японские военные точно так же обращаться с населением других японских регионов, если бы американские войска высадились там [Siddle 1998, p. 132]. Учитывая, что японская пропаганда на завершающем этапе войны призывала всех жителей страны быть готовыми отдать свои жизни ради победы над противником (политика, которая в некоторых исследованиях обозначается труднопроизносимым, но удачным термином «камикадзэфикация» [Earhart 2005]), это представляется весьма вероятным.

Второй элемент нарратива о Второй мировой войне для префектуры Окинава заключается в том, что жители префектуры были только и исключительно посторонними жертвами, но ни в коем случае не участниками войны. Примером может послужить один из значимых мемориалов острова – «Мемориальный музей мира Химэюри» и «Мемориальная башня Химэюри», расположенные в городе Итоман на юге острова Окинава и посвященные истории «Студенческого отряда Химэюри» (такое название не употреблялось непосредственно во время боев за Окинаву, но закрепилось в послевоенный период; в англоязычных источниках эту же группу часто называют «Lily Corps» или «Отряд лилий»). Входившие в него 222 ученицы и 18 учителей двух женских школ острова были мобилизованы японской армией 23 марта 1945 г., незадолго до высадки американских войск. Предполагалось, что они должны будут выполнять работу санитарок и помогать японским войскам, и некоторое время они выполняли эту работу, подчас в невыносимых условиях, но в разгар боевых действий, 18 июня, японское командование неожиданно издало приказ о расформировании этого подразделения [Shima 2015, p. 5–9]. В результате, оказавшись под перекрестным огнем японских и американских войск, большая часть мобилизованных девушек и их учителей (227 человек из 240) погибли⁸.

Здесь, однако, виден заслуживающий внимания парадокс: «Студенческий отряд Химэюри» не был единственным случаем, когда японские войска привлекали детей и подростков для выполнения вспомогательных функций. Существовал «Имперский корпус железа и крови», в состав которого входили 1780 юношей 14–17 лет, и около половины их также погибли. Однако не существует практически ни одной фундаментальной исторической работы, сосредотачивающейся на этой теме, в то время как мемориальный комплекс,

⁸ Сэцурицу ни цуитэ [Об учреждении [музея]. Химэюри но то:. Химэюри хэйва кинэн сирё:кан [Мемориальная башня Химэюри. Мемориальный музей мира Химэюри]. <https://www.himeyuri.or.jp/establishment/> (дата обращения: 20.11.2023).

посвященный «Студенческому отряду Химэюри» является одной из главных исторических достопримечательностей острова Окинава, а их трагедии посвящено пять художественных фильмов (1953, 1962, 1968, 1982 и 1995 г.), не говоря уже о документальных лентах и передачах.

Причина этого, по всей видимости, кроется в том, какой именно дискурс о роли жителей Окинавы в войне и понесенных ими жертвах является доминирующим в префектуре в частности и в Японии в целом. «Имперский корпус железа и крови» сражался на поле боя, и многие его члены, хотя и будучи фактически еще детьми, проявляли фанатизм и непреклонность, типичные, впрочем, для многих японских солдат Второй мировой войны. Эта история, не говоря уже о том, что и среди взрослых мужчин-окинавцев многие были мобилизованы и сражались против американских войск, в значительной степени разрушает сложившийся образ жителей острова как исключительно жертв войны, оказавшихся под перекрестным огнем японских и американских войск в прямом и переносном смыслах⁹. История же «Студенческого отряда Химэюри», участницы которого не принимали участия в боевых действиях с оружием в руках и погибли из-за безразличия и жесткости японской армии, идеально соответствует этому образу. В определенном смысле здесь просматривается параллель с нарративом «женщин для утешения» в националистическом дискурсе Южной Кореи [Дьячков 2019; Стрельцов 2022, с. 87–118]. Как в одном, так и в другом случае жертвами были молодые девушки – образ, который в восточноазиатской и не только в восточноазиатской культуре ассоциируется с беззащитностью и невинностью, и именно поэтому и в том, и в другом случае эмоциональная реакция аудитории, на которую нацелен исторический нарратив, оказывается особенно сильной.

Сходная психологическая динамика присутствует и в случае с другим значимым нарративом памяти окинавцев о Второй мировой войне и закрепляющим его коммеморативным объектом – истории судна «Цусима-мару». 21 августа 1944 г. «Цусима-мару» вышел из порта Наха и направился в Кагосиму. На его борту было 1788 человек, значительная их часть (1661 человек) – гражданские лица, которые должны были быть эвакуированы на остров Кюсю. 834 человека из них составляли дети, учащиеся школ Окинавы. Ночью следующего дня, 22 августа, конвой, в составе которого двигалось судно, был атакован американской подводной лодкой USS Bowfin, и «Цусима-мару» пошел ко дну. Спасти удалось лишь 280 пассажирам, среди них было только 59 детей¹⁰.

Непосредственно после катастрофы военная цензура наложила строгий запрет на распространение информации о трагедии. Усилия по увековечиванию памяти жертв начались только в послевоенный период. В 1954 г. на средства, собранные простыми японцами¹¹, в городе Наха был открыт мемориал жертвам катастрофы «Цусима-мару», а в 2004 г. недалеко от мемориала открылся Мемориальный музей «Цусима-мару», в котором, помимо прочих экспонатов, выставлены письма и личные вещи жертв, а также реконструирована классная комната, подобная той, в которых учились погибшие в результате катастрофы дети. Помимо этого, еще один мемориальный музей, посвященный трагедии, расположен на острове Акусэкидзима, недалеко от которого было потоплено судно. Широко освещена гибель «Цусима-мару» в массовой культуре, и в 1982 г. даже вышел анимационный фильм, посвященный этому событию.

Как и в случае со «Студенческим отрядом Химэюри», обращает на себя внимание то, что объектом коммеморации выступает трагедия, жертвами которой стали наиболее незащищенные, то есть дети. И та форма, в которой этот дискурс воспроизводится, опять-таки подчеркивает

⁹ Более подробно этот аргумент развит в [Altenberg 2019, p. 31–32].

¹⁰ Буклет Мемориального музея «Цусима-мару».

¹¹ Заслуживает внимания тот факт, что кампания по сбору средств началась в префектуре Айти, а не на Окинаве.

статус окинавцев как жертв трагедии, в которой отчасти повинны и японские вооруженные силы – недаром в экспозиции Мемориального музея «Цусима-мару» особо подчеркивается уже упомянутый факт того, что военные власти не допускали распространения информации о трагедии, и это стало причиной дополнительных страданий тех, кто томился в неведении, не будучи в состоянии узнать о судьбе своих близких.

Эти и связанные с ними нарративы в полной мере отражены в самом крупном мемориальном объекте префектуры, посвященном событиям Второй мировой войны – Окинавском префектуральном мемориальном музее мира (*Окинавакэн хэйва кинэн сирё:кан*), расположенном в городе Итоман. Помимо самого музея, на территории комплекса находятся несколько других монументов, посвященных жертвам боев на острове, один из которых включает в себя каменные плиты, на которых высечены имена всех погибших, как с японской, так и с американской стороны. В музее регулярно проводятся организованные экскурсии для учеников школ префектуры, и каждый год 23 июня, в день, когда в 1945 г. японская армия прекратила организованное сопротивление, власти префектуры проводят памятные мероприятия. В этом смысле можно сказать, что экспозиция музея представляет «официальную» версию событий с точки зрения местных властей и местного гражданского общества.

Начало экспозиции повествует о «пути к битве на Окинаве», то есть об истории королевства Рюкю, его присоединении к Японии и насильственной ассимиляции жителей острова в довоенный период. Таким образом, можно сказать, что как минимум в качестве одной из причин трагедии войны представляется факт присоединения архипелага к Японской империи¹². Рассказ о собственно боевых действиях повторяет и богато иллюстрирует примеры жесткости японских военных к мирным жителям. И, напротив, некоторые представленные материалы повествуют о том, как американские военные спасали мирных жителей, оставленных на произвол судьбы японскими войсками, и подчеркивается, что американские военные «не занимались пытками, изнасилованиями и убийствами мирных жителей, в отличие от того, о чем предупреждали японские военные власти» [Shibata 2021, p. 9]. Заключительная часть постоянной экспозиции рассказывает о послевоенной судьбе Окинавы – периоде американской оккупации, восстановлении экономики и мирной жизни (причем, опять-таки, подчеркивается роль помощи со стороны американских военных властей), движению жителей острова за воссоединение с остальной Японией.

Рассмотрение специфики исторической памяти вообще и конкретного случая того, как эта историческая память формируется и поддерживается в случае с префектурой Окинава, должно, впрочем, сопровождаться важной оговоркой методологического и в определенном смысле морального характера. Прежде всего, анализ того, какое именно «послание» передают те или иные нарративы, ни в коем случае не отрицает того, что те события, на которых сосредоточены эти нарративы, а также Вторая мировая война в целом на самом деле являются страшными трагедиями, а страдания тех, кто пострадал или потерял близких, заслуживают самого искреннего сочувствия. Помимо этого, описание исторического дискурса как феномена, определенным образом структурированного, продвигающего определенную «версию» реальности, вовсе не означает, что этот дискурс формируется целенаправленно властями, какими-либо политическими силами или иными акторами – во всяком случае, он не формируется ими с начала и до конца единолично. Речь идет скорее о ситуации, при которой взаимодействуют и переплетаются усилия различных политических и общественных сил и относительно стихийно формирующееся общественное мнение в целом. Впрочем, детальный теоретический анализ сути феномена исторического дискурса и составляющих его нарративов находится за рамками настоящего исследования.

¹² Официальный сайт Окинавского префектурального мемориального музея мира. <http://www.peacemuseum.okinawa.jp/index.html> (дата обращения: 10.01.2024).

Заключение

Уникальность Окинавы как региона Японии и специфика исторического опыта накладывает серьезный отпечаток на специфику исторической памяти, воспроизводимой в общественном мнении, региональных СМИ, мемориалах и мемориальных практиках. На первый взгляд может показаться, что дискурс исторической памяти на Окинаве диктуется тем же «комплексом виктимности», что и в остальной Японии, но более внимательный анализ показывает важные отличия. Если для японцев из других регионов характерно представление о Второй мировой войне как об абстрактном «бедствии», в котором никто конкретно не виноват, то на Окинаве гораздо более распространена точка зрения, что в трагедии мирных жителей виновата японская военщина, которая, согласно этому мнению, не считала их полноценными японцами и потому готова была относиться к ним как к «расходному материалу». Небезынтересно и то, что по отношению к американским войскам, огонь со стороны которых в действительности унес намного больше жизней, чем действия японских военных, особенно острой неприязни не наблюдается, и в некоторых случаях даже подчеркивается, что они помогли брошенным на произвол судьбы жителям острова. Себя же окинавцы ассоциируют исключительно с мирными жителями, предпочитая не акцентировать тот факт, что многие из них сражались против американских войск с оружием в руках.

Таким образом, если и можно говорить об исторических обидах, воспроизводимых в рамках памяти о Второй мировой войны в префектуре Окинава, то основным объектом этих обид будет главным образом японский милитаризм, а не современные центральные власти Японии и не США как таковые¹³. Вряд ли нынешний исторический нарратив может стать основой для серьезного сепаратистского движения, особенно учитывая экономическую зависимость региона от остальной Японии, или движения за полный разрыв японо-американского военно-политического сотрудничества. Но не подлежит сомнению и то, что воспроизводящиеся в историческом дискурсе память о довоенном статусе префектуры и трагедии Второй мировой войны продолжают являться значимым фактором как региональной политики в целом, так общественного мнения по поводу американского военного присутствия в частности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Баженова Ж.М., Горячева Е.А.* Нерешенные проблемы Окинавы: к пятидесятилетию возвращения префектуры в состав Японии // Японские исследования. 2023. № 2. С. 73–86. DOI: 10.55105/2500-2872-2023-2-73-86
- Дьячков И.В.* Историческая память и политика: проблема «женщин для утешения» в современных южнокорейско-японских отношениях // Японские исследования. 2019. № 4. С. 72–87.
- Стрельцов Д.В.* Проблема возвращения Окинавы в японо-американских отношениях послевоенного периода // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2017. Т. 17. №3. С. 598–611.
- Стрельцов Д.В.* (ред.). Проблемы исторического прошлого в отношениях Японии со странами-соседями. Москва: Издательство «Аспект Пресс». 2022. 336 с.

¹³ Это подтверждается и данными опросов общественного мнения. Так, согласно данным проведенного газетой «Ёмиури» весной 2022 г. опроса, 64% респондентов сказали, что они «испытывают» или «скорее испытывают» симпатию к США, в то время как тех, кто придерживается противоположной позиции, оказалось только 35%. Тех, кто оценивает возвращение Окинавы в состав Японии в 1972 г. «положительно» или «скорее положительно», оказалось 90%, и лишь 7% ответили, что это было «плохо» или «скорее плохо».

REFERENCES

- Bazhenova Z.M., Goriacheva E.A. (2023). Nereshennyye problemy Okinavy: k pyatidesyatiletuyu vozvrashcheniya prefektury v sostav Yaponii [Unresolved problems of Okinawa: Towards the 50th anniversary of Okinawa Prefecture's reversion to Japan]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2, 73–86. (In Russian).
- Dyachkov, I.V. (2019). Istoricheskaya pamyat' i politika: problema «zhenshchin dlya utsheniya» v sovremennykh yuzhnokoreisko-yaponskikh otnosheniyakh [Collective memory and politics: “Comfort women” in current relations between South Korea and Japan]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 4, 72–87. (In Russian).
- Streltsov, D.V. (2017). Problema vozvrashcheniya Okinavy v yaponno-amerikanskikh otnosheniyakh poslevoennogo perioda [The Problem of Reversal of Okinawa in Post-War Japan-U.S. Relations]. *Vestnik RUDN. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya* [RUDN Bulletin. Series: International Relations], 17 (3), 598–611. (In Russian).
- Streltsov, D.V. (Ed.). (2022). *Problemy istoricheskogo proshlogo v otnosheniyakh Yaponii so stranami-sosednyami* [Problems of Historical Past in Japan's Relations With Neighboring Countries]. Moscow: Aspekt Press. (In Russian).

* * *

- Altenberg, B. (2019). *In the Shadow of the Shuri Castle: The Battle of Okinawa in Memory*. MA Thesis. Chapman University.
- Earhart, D.C. (2005). Kamikazification and Japan's Wartime Ideology. *Critical Asian Studies*, 37 (4), 569–596.
- Meyer, S. (2020). Between a Forgotten Colony and an Abandoned Prefecture: Okinawa's Experience of Becoming Japanese in the Meiji and Taishō Eras. *The Asia Pacific Journal. Japan Focus*, Vol. 18, Is. 20, No. 7.
- Nishizatō, K. (1979). Okinawa kindaiishi kenkyū josetsu (1): “kyūkanonzanki” no shomondai [A Study on the Modern History of Okinawa, Part 1: Issues of the “Period of Preservation of Old Customs”]. *Ryūkyū Daigaku Kyōiku Gakubu Kiyō* [Bulletin of the Department of Education of the University of Ryukyu], 23, 145–172. (In Japanese).
- Shibata, M. (2021). Contested memory of Okinawa's colonial and war past: history teaching in and beyond formal education. *Asia-Pacific Journal of Education*, 42, January 17.
- Shima, D. (2015). *The Purification of Victims: The Himeyuri Student Corps Through the Lens of Okinawa, Japan, and the U.S. 1945–1953*. Doctoral Thesis. McGill University.
- Siddle, R. (1998). Colonialism and identity in Okinawa before 1945. *Japanese Studies*, 18 (2), 117–133.

 Поступила в редакцию: 30.11.2023

Received: 30 November 2023

Принята к публикации: 22.01.2024

Accepted: 22 January 2024